

Проблема отмены смертной казни в Республике Беларусь

М.А. Галкин

*Минский инновационный университет, ф-т коммуникаций и права, студент 2-го курса
Научный руководитель: Н.А. Кодак, старший преподаватель*

В Конституции Республики Беларусь закреплено, что наше государство является демократическим и социальным. Непосредственно в ст. 2 Основного закона отражено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [1].

В настоящее время ведется широкая дискуссия по поводу отмены смертной казни в Республике Беларусь, как в самой Беларуси, так и за ее пределами. Об этом свидетельствуют периодически проводимые международные конференции и семинары по поставленной проблеме, в том числе и на территории нашего государства.

В конце 2016 года в национальном Парламенте объяснили, что вопрос введения моратория на использование рассматриваемого вида наказания планируется обсуждать не раньше 2017 года. При этом следует отметить, что работа белорусского Парламента с общественным мнением ведется уже на протяжении более чем 20 лет.

Выступая за применение смертной казни, ее сторонники в качестве своих аргументов приводят следующие: предотвращение совершения новых преступлений путем устрашения населения; реализация принципа «око за око»; большие материальные затраты со стороны государства и непосредственно налогоплательщиков на пожизненное содержание таких лиц.

Как белорусские, так и международные правовые организации постоянно подвергают осуждению назначение рассматриваемого вида наказания. Так, Евросоюз, выступая за отмену смертной казни в Республике Беларусь, утверждает и обосновывает свое утверждение тем, что применение данного вида наказания не выступает в качестве средства сдерживания преступности и представляет неприемлемое отрицание человеческого достоинства и неприкосновенности [2]. Например, в таких странах, как Швейцария или Нидерланды, институт смертной казни отсутствует, но при этом преступлений в этих странах совершается меньше, чем в Республике Беларусь.

Реализация принципа «око за око» также является не совсем оправданной. Например, если преступник совершает хищение имущества, то у него не изымают его имущество, а применяют один из видов уголовного наказания, перечисленный в санкции соответствующей статьи.

Одним из главных аргументов против применения смертной казни можно назвать то, что всегда присутствует возможность судебной ошибки: осужденное лицо может быть не виновно. И таких примеров достаточно. Помимо этого можно указать также – недостижение целей уголовной ответственности; нарушение конституционного права гражданина на жизнь; нарушение принципа гуманности.

Следовательно, отменив данный вид уголовного наказания, Республика Беларусь сможет в полном объеме реализовывать принципы, закрепленные в Конституции; достигать реализации целей уголовной ответственности в отношении всех преступников.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 5 с.
2. <https://news.tut.by/economics/521919.html>.

Gender identity conceptualization: perspectives of research

V.N. Golodnaya

*Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law, 1st-year post-graduate student
Supervisor: I.N. Menshikova, candidate of psychology, associate professor*

Gender identity belongs to essential identity structures. It distinguishes people as males or females and it is a social and cultural issue rather than a biological one.

Gender determines an individual as a community member, accounts for his/her moral values, deeds motivation, behavior style, relationships with other people and the world as a whole. According to a number of authors, gender aspect is to be revealed in many linguistic phenomena and processes [1, 2, 3].

In our article we would like to focus on a few actual perspectives to research identity conceptualization in the framework of gender differences and similarities.

Researching gender roles as a set of expected behavioral patterns to be followed by males and females [4, p. 87-89]. Whether we want it or not, but the economical, social, ethnical and cultural context people live in does force us to follow male and female rules and to play socially induced gender roles. The researches in the field of gender roles are especially appealing from the diachronically based approach as they illustrate the processes of gender stereotypes establishment, amendment and sometimes complete re-consideration as the time passes and the language reflects the changes in the life of people who speak it.

Gender approach is applied in cognitive metaphor studies. Metaphors with different domain-sources (animals, plants, food, natural objects, supernatural creatures, etc) are frequent in gender identity conceptualizations. Gender-oriented metaphors are based on character traits, habits, behavior and appearance and either raise or diminish a person's status. Almost always they reveal strong axiological differences when nominating males and females, thus proving gender asymmetry in ideologies, social groups and society as a whole.

Gender aspect is also to be found in proverbs and common expressions existing in any language. They provide us with social rules, values and stereotypes, historically fixed in the language. Even within one and the same language there are male and female cultures, which co-exist and collaborate in a common social space. These cultures may have different and sometimes even opposite values and principles.

As a language is not isolated from a society, linguistic gender conceptualizations often reflect social problems concerning gender inequality in professional, economical, political and everyday spheres of life.

References

1. Кириллина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кириллина. – Институт социологии РАН, 1999. – С. 89-92.
2. Красавский, Н.А. Образ женщины в пословично-поговорочном фонде немецкого языка / Н.А. Красавский, И.М. Киринос // Языковая личность. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 106-112.
3. Очирова, В.С. Репрезентация маскулинной и феминной гендерных ролей в калмыцкой паремиологии в сопоставлении с английской / В.С. Очирова, В.У. Омакаева // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: Материалы Российской научной конференции с международным участием. – Элиста, 2016. – С. 509-517.
4. Рыбникова, И.С. Семейные гендерные отношения в современном российском обществе / И.С. Рыбникова // Гендер, власть, культура: социально-антропологический подход: межвуз. науч. сб. – М., 2000. – С. 87-89.

The legal status of members of terrorist organizations during armed conflict

А.С. Максимова

*Международный университет «МИТСО», юридический факультет, студентка 4-го курса
Научный руководитель: Н.О. Мороз, к.ю.н*

The discussion of the legal status of unlawful combatants is not new, it has nevertheless become the subject of intensive debate in recent publications, statements and reports. Unlike the term «combatant» the concept of «illegal combatant» does not appear under the IHL, even shows the light that it was discussed [1, p. 45]. As a rule, we are talking about members of terrorist organizations involved in the commission of terrorist acts. In spite of the fact that international humanitarian law does not know such an intermediate status the legal doctrine and ICRC do not allow to deprive unprivileged combatants of any legal protection [2, p. 709].

There is no doubt that members of terrorist organizations do not meet the conditions to qualify as prisoners of war and thus are not protected by the Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. However, there are a great number of opinions confirming the applicability of the Convention relative to the Protection of Civilian Persons in time of War to unlawful combatants:

1) Article 4(1) of the Fourth Geneva Convention specifies: «Persons protected by the Convention are those who, at a given moment and in any manner whatsoever, find themselves, in case of a conflict or occupation, in the hands of a Party to the conflict or Occupying Power of which they are not nationals» [3]; 2) Article 45(3) of the Additional Protocol I to the Geneva Conventions grants protection to persons «who is not entitled to prisoner of war status and who does not benefit from more favourable treatment in accordance with the Fourth Convention». Even if he is held as a spy, shall also be entitled, notwithstanding Article 5 of the Fourth Convention, to his rights of communication under that Convention» [4]; 3) The Tribunal for the Former Yugoslavia in the *Delalic* case came to the conclusion reiterating the application of the Fourth Geneva Convention to unprivileged combatants [5, para. 271]; 4) Knut Dörmann states that the fact that a person has unlawfully participated in hostilities is not a criterion for excluding the application of the Fourth Geneva Convention [1, p. 50].